

Литературный МАЯК

№ 4
(243)

Слово редактору

Любезный читатель, здравствуй!

В апреле природа проживает время от капли до первого цветка.

Тёплый ветер, запах земли, солнышко, мать-и-мачеха, распахнутые пальто и куртки, улыбки, колокольный звон в синем небе - это апрель...

Стихи и книги, песни и страницы, мечты и строчки - и это апрель.

Так радостно найти на книжной полке подтверждение своему счастью, так хочется откликнуться на торжество природы своей строчкой...

Идут и идут работы на конкурс «Заветное слово» - их уже более семидесяти. Стихи и проза. Из всех районов области. Приходят письма и из других областей, интересуются авторы, нельзя ли и им поучаствовать в нашем конкурсе. Пока что приходится отказывать - у нас областной конкурс, ну а дальше видно будет... Скоро, в середине мая, приём конкурсных работ будет прекращён и начнётся работа по определению победителей.

Я уже предвижу, сколь не проста будет эта работа, много прислали хороших стихов и прозы. Да ведь и как определить, какое из двух хороших стихотворений лучше? А из десяти стихотворений? Но конкурс есть конкурс, и, участвуя в нём, мы же должны понимать, что все победителями не станут... Ну, что ж - представить своё творчество людям - это ведь тоже важно. По сути, это самое главное - сказать своё заветное слово. А уж как наше слово отзовется, вспомним классика, «нам не дано предугадать»...

Да ведь и конкурсов много - пробуйте себя, авторы! Вот уже идёт подготовка к очередным «Беловским чтениям». И в рамках этих чтений вновь будет семинар для начинающих авторов. А работы на этот семинар уже сейчас можно отправлять. Так что, пожалуйста, начинающие писатели - участвуйте, пробуйте свои силы. Когда-то в подобных семинарах принимал участие и сам Василий Белов, и Рубцов...

Апрель, весна - время надежд. Спешите воплощать свои мечты и надежды!

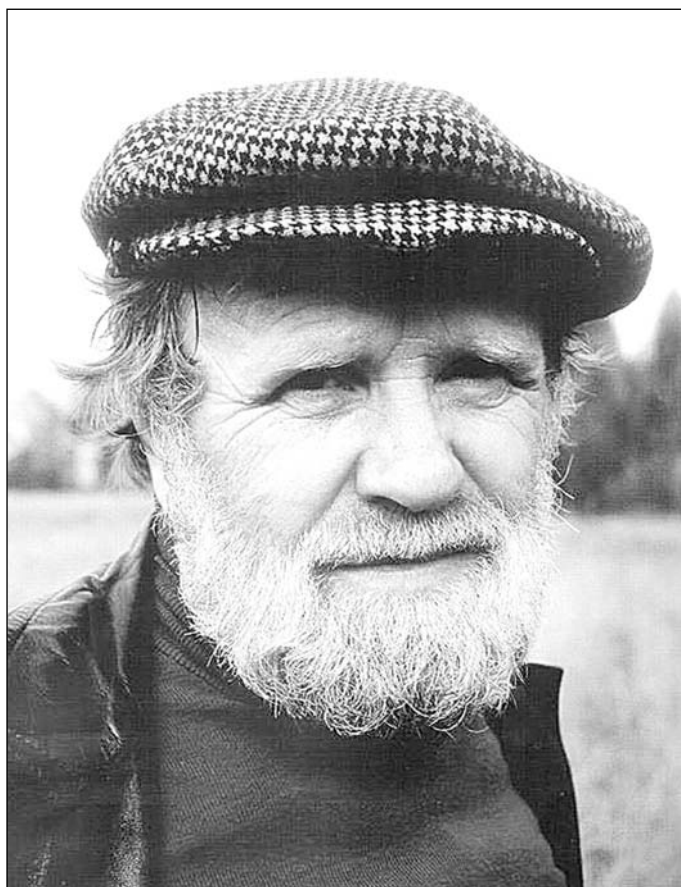
**Дмитрий
ЕРМАКОВ.**

Россия. Вологда. Белов.

В октябре этого года в Вологде пройдут Пятые Всероссийские Беловские чтения.

Вновь на родине великого русского писателя соберутся исследователи и почитатели его творчества. В рамках чтений состоятся: «малые Беловские чтения» для школьников, литературная конференция, экскурсии, литературные марафоны, встречи с писателями.

Постоянный автор «Литературного маяка» Александр Ивановна Мартьянова продолжает цикл рассказов-воспоминаний о семье Беловых и своём брате - писателе Василии Ивановиче Белове...

Истошный женский вопль откинул меня от растапливаемой печи к кухонному окну.

Улица ещё сонной деревни была пустыня и безмятежна. Я кинулась вниз по лестнице за ворота. В тот же миг Василий Иванович, минуя ступеньки в два прыжка из своей чердачной кельи, оказался рядом. Мы одновременно в панике выскочили на дорогу и замерли на взгорке у дома.

Ужасающие бабские крики неслись со склона соседней чичиренской горы, которая от нашей Тимонихи была менее одного километра и просматривалась как на ладони. Из-за утробного стенания крики, разрывающие душу, прося о помощи, сливались в сплошное «Ой, ой, ой».

Фигурка почтальонки Гали отделилась от деревни и спеш-

но двигалась по направлению к нам по наśnieженной дороге. Справа и слева тянулись густые дикие травы, по обочине дороги ольшаники и ивняк. Письмоноска, прижимая большую сумку к боку, бежала, крича не своим голосом. В первую минуту мы с Василием не знали на что и подумать, замерли, но вдруг увидели и услышали грозу всей округи.

Колхозный бык Кубрик по каким-то непредвиденным обстоятельствам оторвался от стада и теперь, тяжело рыча и изредка незлобно и отрывисто взмыривая, как мифический танк выплывал из океанских травяных куц.

Галя уже преодолела тот участок по прямой, где должен был Кубрик взгромоздиться по насыпи из канавы на ровную дорогу, бежала, не чуя себя, как говорят, душа ушла в пятки, несло её по воле бога.

Состоится и уже становящийся традиционным литературный семинар для начинающих авторов. Семинар, как и в прошлые годы, будет проводиться в три этапа:

первый этап (заочный, прием заявок и отбор текстов) - в период с 1 апреля по 30 июня 2018 года;

второй этап (работа экспертов с текстами заявленных авторов) - с 1 июля по 1 октября 2018 года;

По завершении второго этапа (не позднее 1 октября) отобранные экспертами работы размещаются на сайте Центра писателя В. И. Белова (centr-belova.ru) для чтения и обсуждения.

третий этап (очный, проводится в рамках Беловских чтений) - 22 октября для категории 15-17 лет, 23 октября - для категории 18-35 лет.

Участие в семинаре бесплатное. Участниками семинара могут стать молодые авторы. Возраст участников от 15 до 35 лет (две возрастные группы 15-17 и 18-35 лет).

Для участия в отборочном этапе авторские подборки принимаются по направлениям: «Поэзия», «Проза».

Объем авторских подборок: поэтическая подборка - 5-10 стихотворений; прозаическая подборка - 1-2 рассказа, очерка;

Участниками третьего этапа - очного семинара - являются авторы, рекомендованные экспертами семинара для очного обсуждения в Центре писателя В. И. Белова.

Во время очного обсуждения на семинаре проводится тщательный анализ представленных работ, даются рекомендации для повышения литературного мастерства и рецензия на заявленные работы.

В состав экспертов входят члены Союза писателей России, литераторы, журналисты, преподаватели Вологодского государственного университета (по согласованию).

Для участия в семинаре необходимо представить:

- заявку, указав ФИО, возраст, место учебы, работы, литературное объединение (при наличии), контактный телефон; наименование произведений;
- тексты авторских подборок;
- согласие на обработку персональных данных.

Приём заявок и рукописей для участия в семинаре осуществляется до 1 июля 2018 года по адресу: г. Вологда, ул. Щетинина, 5 (Центр писателя В. И. Белова) в 3-х экземплярах, а также авторские подборки дублируются в электронном виде по адресу: chteniya_belov@mail.ru в формате doc, с пометкой «на семинар».

Александра МАРТЪЯНОВА

Кубрик

Бык по запахам шёл ни путём ни дорогой, стада в обозрении не видно, и мы надеялись, что он пересечёт дорогу и так же побредёт восвояси, не обращая внимания на Гаю. Но он, чуть коснувшись твёрдой дороги, развернулся всей своей неповоротливой мощью по направлению к голосащей Гале и не бодро, но уверенно побежал.

Я совершенно потеряла самообладание и взвизнула: «Заводи машину». Василий вышел из оцепенения, буркнул: «На домкрате... не успеть...» И закричал: «Бросай сумку. Бросай сумку и беги!»

Всё наше внимание, как и почтальона, устремилось к трубе большого диаметра, что оставлена ремонтниками валяться до следующей весны, как у нас водится. Мы в молчаливом ужасе мысленно молили бога, чтобы Галя смогла добежать первой

до спасительной трубы. И это, к счастью, произошло.

Не успела она скрыться, как бык оказался рядом. Раздосадованно стал он бодать трубу, обнюхивать, обходить её, рвать, снова бодать и рыть землю копытом. Минут через тридцать поуспокоился и направился прочь полевой тропой. Убедившись в безопасности, наша страдальца выбралась из убежища и, пошатываясь, побрела к крайнему дому Корзинкиных.

Василий попросил меня сходить и узнать, не сможет ли он чем-то помочь. После такой передрыги не сразу соберёшься, опомнишься... «Я прикручу колесо и подброшу её до Дружинина»...

Я увидела Гаю прихлёбывающей чай из блюдца, смотрящую в одну точку. Она ещё не отошла от потрясения. Лихорадочно тряслись руки. Сумка валялась на полу.

Я передала предложение Василию. Она сказала: «Спасибо, но ничего не получится. Сегодня пенсии... Зачем Василию Ивановичу ждать меня у каждой избы...»

ВЕСТОЧКА

За окнами - дудки и клевер,
местами мелькнет зверобой.
Прямую дорогу на север
цветы нам укажут с тобой.

Я восточку ближним отправлю,
столичные сброшу тиски,
усну и проснусь в Ярославле
в предчувствии русской реки.

И, за руки взявшись, недолго
мы будем смотреть в темноту,
где плещется сонная Волга,
горят огоньки на мосту.

Хотя ничего не исправить
в разбитой годами судьбе,
за эту нелегкую память,
родная, спасибо тебе.

Спасибо тебе за немилость,
которая ждёт впереди.
Из сердца любовь испарилась,
но плещется Волга в груди.

**НА МОГИЛЕ БАТЮШКОВА
В ПРИЛУКАХ**

Неудачный любовник,
городской соловей,
папоротник и шиповник
на могиле твоей.

Твой талант - дивный корень
на глухом пустыре,
ты не зря похоронен
в дальнем монастыре.

Так писал ты туманно,
что не каждый поймёт,
стих твой - рваная рана,
перевязка и йод.

У ворот монастырских
инвалиды стоят,
просят деньги настырно
на закуску и яд.

Лишь случайный прохожий
да заезжий поэт
твой покой потревожат:
«О, коллега, привет!»

Так судьба повелела,
отпусти и прости.
В землю спрятано тело,
чтоб стихами цвести.

И совсем неподвластны
пересудам толпы
выпирают бесстрастно
ягоды и шипы.

Григорий Шувалов, поэт, литературный критик. Родился в 1981 году в Карелии, но большую часть жизни прожил в поселке Шексна Вологодской области. Служил в пограничных войсках, работал на стройке и в театре. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Публиковался во многих журналах и альманахах. В настоящее время живет и работает в Москве. На состоявшемся в феврале текущего года 15 Съезде Союза писателей России принят в члены Союза. В «Литературном маяке» публикуется впервые.

но знаком плечу
жесткий вкус приклада,
и когда нагрет
незванный гость,
я умру за Родину, если надо.

Застрекочут пули, рванёт фугас,
пулемёт ударит
с небес по тверди.
Дай мне силы, Господи,
в этот час

я связи прежние нарушу,
я буду добрый и смешной.
Но кто теперь вернёт мне душу,
давно потерянную мной.

НЕЗНАКОМЫЙ МАРШРУТ

Сегодня я проснулся
слишком рано.

Я мало сплю,
я слишком много жил.
Я вынул зажигалку из кармана,
которую по пьяни положил.

И закурил, и шёл, куда не надо,
совсем один, без денег и следа
среди долгов,
зимы и снегопада.
Куда я шёл?
Не помню сам куда.

Григорий ШУВАЛОВ

Ягоды и шипы

МАТЬ-И-МАЧЕХА

Разминая ленивые ноги,
я гулял по Москве сколько смог
и сорвал у железной дороги
мать-и-мачехи жёлтый цветок.

Бесконечно судьбе благодарен
за простую земную красу,
я возьму этот жёлтый фонарик
и в общагу его отнесу.

И пускай он под вечер завянет,
как завяли другие цветы.
Не печалься, светлее не станет,
если будешь печалиться ты.

В МУЗЕЕ

Мне в музее выдали автомат,
не стрелять, конечно же,
так, для фото.
Мне в плечо упёрся его приклад,

будто это с детства
моя работа.

Старый добрый
дедовский ППШ,
сплав смертельный
дерева и железа,
ты, наверно, в юности не спеша
по фашистам трели давал
из леса.

Как кузнечик смерти
носился ты,
враг, тебя услышав,
на землю падал,
разлетались головы и цветы,
если ты плевался
свинцовым ядом.

Не стрелял по людям я,
не пришлось,

не бояться крови
и близкой смерти.

Плохи мои дела.
Я тлею, как окурочек.
Хотя чего желать?
Заводишко пивной,
молочный комбинат,
кисельный переулочек -
жужжит под колпаком
мещанский рай земной.

А на зрачке дрожит
конфетная столица,
цепляет за глаза
господское жильё.
Мне некуда идти,
мне негде притулиться,
мне не с кем разделить
бессилие моё.

Боли, боли, душа,
когда тебя не просят,
держишься за жизнь поэт,
пощады не проси.
Пускай твои враги на сердце
камень несут,
ты камень на врага
на сердце не носи.

Упасть, подняться,
рухнуть снова
и подниматься много лет.
Живу легко и бестолково,
а счастья не было и нет,
и жизнь тем временем
проходит.
Затем и в комнате бардак,
что ничего не происходит,
а я надеюсь, как дурак:

Впитав в себя уныние и смуту,
расстроженный,
что счастья в мире нет,
я шёл по незнакомому
маршруту,
и всюду мне горел зелёный свет.

И я живу, живу и увядаю,
пока по мёртвым улицам хожу,
пока о Боге все вспоминаю,
слова в стихи трагически вяжу.

В Москве всё пышно
расцветает,
а в вологодской стороне
листочек первый распускает
природа, словно в полусне.

Душа исполнена покоя,
в столице брошены дела,
и ощущение такое,
как будто жизнь назад пошла.

И ты лежишь на верхней полке
и спишь, как много лет назад,
а вдоль дороги елки, елки,
как дни прожитые летят.

И мы еще не знали горя
ни с той, ни с этой стороны,
ещё не ездили на море,
друг в друга крепко влюблены.

Нас жизнь еще не обломала,
не обманула, не сожгла,
и от вокзала до вокзала,
как будто вечность пролегла,

где мы заложники с тобою.
И солнца лучик бьет в окно,
и ничего еще судьбою
наверняка не решено.

Валентина ШИЛОВА (п. Ермаково, Вологодский район)

«Фашистов мы победили...»

**Моему дяде
Красильникову Сергею**

Мой дядя вернулся с финской,
Где воевать пришлось,
Здоровый и невредимый,
С копной поседевших волос.
Он обнял жену и дочку,
Крепко к себе прижал...
Как верил он в эту минуту,
Как её долго ждал.
Соседи пришли поздравить:
«Вернулся с войны невредим.
Избу надумаешь ставить,
Только скажи - пособим!»
Можно спокойно трудиться,
Галю растить, строить дом...
Но Европа опять польхнула
На нас военным огнём.
Пылает небо Мадрида,
Без боя сдали Париж,
Лондон бомбят,
Над Европой чёрный паук повис.
Фашисты всё рассчитали -

Внезапность, неравенство сил...
«Россия падёт до морозов!» -
Хвастливо Геббельс трубил.
Нет горше в пору отступленья
Видеть глаза матерей,
Стоящих на наших дорогах,
К груди прижимая детей.
Сражались за каждый камень,
За рощу, за каждый лист...
Ты на себе узнаешь
Ненависть нашу, фашист!
Мы намертво в землю вгрызлись,
Чтоб путь преградить врагу
Винтовкой, штыков и собою,
Если убьют в бою.
Среди миллионов сограждан,
Вставших врагу на пути
Были брат мой, отец и дядя,
Другие мои земляки.
Брат мой сражался на Севере,
Отец добывал руду,
А дядя Серёжа под Выборгом,
Как в тридцать девятом году.
Он не построил дома,
Убит, защищая страну,

Мы чтим его, как героя,
Спасшего нас и семью.

**ЛЕСОЗАГОТОВКА
Посвящается
Екатерине Александровне
Баданиной**

Как трудно зимой, на морозе
Деревья валить в лесу,
На дальних глухих делянках,
По поясу в глубоком снегу.
Намокли давно рукавицы,
Из рук ускользает пила,
Скорей бы на нары свалиться,
Забиться бы до утра.
А утром, ещё до рассвета,
Выпив стакан кипятку,
С подружкой вдвоём за бараком
Фуфайки катаем в снегу.
От непросохших фуфаяк
Прельим тряпьем несёт,
Вшей мы из них выбиваем,
За ночь их тьма наползёт.
Фашистов мы победили,

В руинах лежит полстраны,
Чтобы её отстроить,
Стройматериалы нужны.
Вот почему на делянках
Молодость наша гниёт...
Фашистов мы победили,
А битва за мир идёт.

Конкурс «Заветное слово»

Андрей АЛЕКСЕЕВ (г. Вологда)

Вижу поле в снегу,
А по полю седая позёмка
Сумасшедше скребёт
Свой холодный подол
о скирду,
А по краю полей,
Вдоль дорог,
В нераспаханной кромке
Беспризорных кровей
Придорожный сорняк на ветру:
Репей, лебеда, лопухи
да тугая крапива -
Это вечные спутники
Странников русской земли.
Никогда не увидишь
их стебли
Согнутыми криво,
Никогда не услышишь
в их сторону

Слово любви.
Семена опадут
На бугры да в сырые низины,
Репеями уйдут
На собачьей, овечьей шерсти.
Приютят их опять, беспородных,
Дороги России,
И бродягам опять будет с кем
Разговоры вести.

УТРО

Озеро сонное,
ветром не бужено,
Тёплого осенью
воды не стужены,
Лодки на отмель
под иву причалены,
Шорохи редкие,
только случайные...
- Даль заозёрная,
ёлки забрежные,
Солнце встречайте!
Лучи его нежные
Не обжигают.
Смотрите! Позволено!
Утро - послушное.
Всё приготовлено.
- Солнце! Ярилище!
Звёздочка тёплая,
Не оставляй
поднебесные хлопоты!
Ночью лучиной,
угаром сосватанных
Не забывай нас.
Судьба не разгадана.
Грешны ли, праведны?
Всё окольцовано.
С новым рассветом
всё будет по-новому.
... Озеро сонное,
ветром не бужено,
Солнышко ясное.
Облако - кружево.

«Всё облака над ней,
всё облака...»
Н. Рубцов

Я шёл проведать милые углы
По древней
старокубенской дороге,
И как-то так,
без видимой нужды,
В сторонку сами
повернули ноги.
И сразу стало много веселей
Расти трава,
и шелестеть берёза,
И сам я стал звучать
уже не в прозе
На широте распаханых полей.
Густой июль. Тягучая жара.
Макушка лета.
Стрекот и жужжанье.
Не уставая в радостном
купанье,
В речной мели
резвится детвора.
Всего-то чуть, по тропке,
в двух шагах
От областной
асфальтовой дороги,
А всё, как прежде -
на своих местах

По-русски всё,
по-доброму, не строго.

Коза стоит на привязи к ольхе,
Лиловым глазом хитро хулиганя,
И слышно, как у церкви на холме
Стучат крестьяне,
что-то починяя.

И надо-то
свернуть от большака,
Поднять глаза,
упёртые под ноги -
И улыбнуться, глядя в облака,
Тому, что всё у нас и есть,
и много.

«Я буду долго гнать велосипед»,
Хорошей песни
строчку вспоминая,
Я соберу ромашковый букет
В задворках у забытого сарая.

ПРО КАРТОШКУ

Когда б я скульптор был
немножко,
Слепил бы памятник картошке,
А рядом травушки пучок,
Пусть всё как в жизни -
сорнячок.

Ещё слепить для правды надо
Жука из штата Колорадо

В консервной банке
с керосином,
Пусть там поплавают вражина.

Ещё слеплю вилок капустный,
Ядрёный,
с жилкой белохрустной,
Который в правильной засолке
Да с постным маслом -
к стопке звонкой.

Слеплю ещё соседку Галю.
В лицо её я плохо знаю,
Она на грядках всё, внаклонку,
В трико да выцветшей
футболке.

Лопата или просто заступ,
На постаменте тоже здравствуй.
К ней триколор: «Ура, Россия!»,
Чистосердечно б водрузил я.

Ну, в общем, я б увековечил
Весь огород, что лёг на плечи
Простому русскому народу...
И тот обрёл в труде свободу.

РАССКАЗ
БЫВШЕГО СОЛДАТА

- Пулемёт застал,
вот уж горяшко,
Воккурат середь
чиста полюшка,

Не молился б я
Божьей матушке,
Не живать бы мне нынче,
братушки.
Кто на раз упал,
кто ещё живой,
По стеблям травы
хлещет дождь стальной.
Тут уж жизни счёт
на мгновения,
На секундочки, да весенние.

Над головушкой - небо синькою,
Под шинелью бьёт
сердце жилкою.
Отползи куда -
смерть сосватает.
Лучше в луже тут - рёбра прятая.

Немчура-фашист, рожа сытая,
Не щадит, свинцом
землю тыкает,
Да, видать, щитом
Божья матушка
Надо мной была,
над солдатушкой.

Мочи нет, лежу. Лужа стылая.
Шевельнись едва -
немец миною.
Эх, поднять башку,
пусть шарахнет гад,
Да с небес стучат:
«Потерпи, солдат!»

До темна дожил,
льдом похрустывал,
Как в лесок отполз,
уж не чувствовал.
А потом, чего? -
Ваньки-встанки мы,
Погулять пришлось
и под танками.

... На столе теперь
счёты-косточки.
А курить иду -
пальцы в горсточку.
Не отвыкнуть уж - пламя прятаю.
Навсегда, видать,
быть солдатом-то.

ЛИСТЬЯ

Они договорились с ветром,
И тот, подняя их снова ввысь,
Прижал к холодным
мокрым веткам.
На миг. И снова бросил вниз.
Вот так когда-нибудь и в нас
Метнётся жизнь последний раз.

Валентина СУСЛОВА (п. Молочное, г. Вологда)

Валенки

Учительница в тот день была очень веселая. Она даже надела то самое, любимое всеми платье, в сине-белую полоску. Когда она ходила по классу, казалось, что полоски на платье колыхнутся, будто дует легкий ветерок. Второклассники замирали от восторга. Они вообще были люди простые, деревенские. Им казалось, что учительница - это существо из другого мира, наподобие феи. Они даже думали, что она не ест и не спит, как все люди. А улетает в какую-то волшебную страну.

На первом уроке учительница объявила, что послезавтра они всем классом поедут в город. Пойдут в краеведческий музей. Слово «музей» тоже вызывало нечто вроде благоговения, оно казалось детям созвучным слову «музыка» и немножко - жужжанию пчел. А пчелы вспоминались в связи с медом. В общем, что-то неземное и одновременно вкусное.

Васька Кривошеин сказал, что

они будут есть в городе мороженое. Так сказала ему старшая сестра, которая училась уже в пятом классе. Что это такое, она не знала. Васька спросил было у матери, но та отмахнулась. Некогда ей было, она спешила на дойку.

Выручила Тайка Майорова. Она протараторила, что мороженое - это такое сладкое, белое, холодное. Только его надо побыстрее съесть.

- Почему, - спросили ее.
- А потому, что его больше не будет.

- Вот те раз! А куда же оно денется? - спросили пацаны.

Выяснилось, что так ей сказала тетя. А что тетя имела в виду, Тайка и не поняла.

Было решено узнавать все на месте.

В город ходил неболь-

шой юркий автобус ядовитозеленого цвета. Там на поручнях болтались какие-то кожаные петли. Но никто из второклассников не знал, для чего. Они были маленькие и просто не доставали до них. Зато была настоящая кондукторша с брэнчащей сумкой. Все покупали у нее билеты, и она сыпала мелочь в эту сумку. Все это второклассники видели еще в прошлом году, когда ездили на елку. Правда, город они так и не посмотрели, поскольку их сгрузили прямо у крыльца Дома культуры, чтоб не потерялись.

На втором уроке учительница, улыбаясь, сказала, что они будут писать сочинение о весне. Пусть назовут его «Весна - мое любимое время года». Или так: «Весна приносит радость людям». И писать про все весе-

лое и радостное.

И тут Вовка Гришин возьми да и разревись! Все стали на него сперва оглядываться, потом умоляюще глядеть на учительницу, как бы прося ее разобраться. Нельзя же, в самом деле, плакать, когда такая хорошая тема. Да еще и поездка впереди волшебная.

Но Вовка сквозь рыдания пояснил, что он вспомнил, как сыро бывает в автобусах в городе, и валенки обязательно промокнут - весна ведь! И что мамка отказалась купить ему кожаные сапоги, считая их неслыханным

баловством. А в калошах он сам ни за что не поедет-ееет!

Выходит, весна была радостью не для всех. Вот, в прошлом году ездили они зимой, и никаких неувязок - валенки-то не промокали в сорокаградусный мороз!

Валентин КОНОВАЛОВ
(с. Липин Бор)

На родине

На родине,
на этой самой малой,
Что помнится всегда,
где ни живи,
Еще горит свеча былого храма,
Как знак надежды,
скорби и любви.

Приду сюда, измученный,
когда-то,
Который раз под наши тополя,
Ты воскресишь,
что дорого и свято,
И успокоишь, дедова земля.

Ты все простишь,
как мать родного сына,
И новых сил мне дашь
и дашь уют.
Пусть в перелесках
елки и осины
Про связь времен
по-новому поют.

Захватит в плен
седой туман низины,
Где меж кустов озерная вода.
И рыбий плес,
и небо синей сини
Вдруг позовут неведомо куда.

И голоса невидимого хора
В душе возникнут
на краю весны.
Вся суета, обиды и раздоры
Покажутся не более, чем сны.

Приедет на родное пепелище
Мой давний Друг.
Она заглянет вновь.
Я брошусь к ним,
как тот последний нищий,
Все растерявший:
дружбу и любовь.

Пока решают важные задачи,
Что главное: удача или труд,
На дедовой земле
растут чужие дачи,
И люди незнакомые живут.

Кто жил до них
под этим тихим небом,
Ушли неслышно,
словно листопад.
Работали, ценили корку хлеба,
Хранили деревенский
свой уклад.

Над их покоем
осень вновь бесится.
Кружит и плачет
желтая метель...
На храме крест,
как раненая птица,
Пытается сорваться, улететь...

ИЗВЕЧНОЕ

Устану и присяду на траву,
Подумаю о пройденной дороге.
И, может быть, причину назову
Пока еще непонятой тревоги.
Кругом меня зеленая метель,
И в росной капле
целый мир расцвечен.
Душа грустит от горести потерь
И рада новым,
неизвестным встречам.
Мне видится иное впереди -
Все в этой жизни
связаны мы прочно.
И понял я на пройденном пути,
Что счастья не бывает
в одиночку.
От памяти укрыться нам нельзя.
За все при жизни
мы заплатим сами.
А если так: простите мне,
друзья,
И женщина
с печальными глазами.

1

«Хватит, уеду, уйду ...» На автовокзале он был самым первым и первым купил билет на шестичасовой автобус. Покурил на широком бетонном крыльце... Сонный голубь клевал шелуху семечек и грязную воду из лужи...

Всё больше вокруг людей: с сумками, авоськами, чемоданами... Все едут. Сперва из деревни в город, потом обратно... А у него свободные руки. Только в кармане пиджака чернильная ручка и записная книжка. И деньги. Деньги ещё есть.

Он присел на скамейку. Вокзальный милиционер прошёл мимо, взглянул и отвернулся.

«Да, сегодня я вам не интересен. Не помогу вырезвителю план выполнить...» - усмехнулся и снова закурил...

Началась посадка в автобус. Толкучка у двери. Он даже и не пытался сесть на своё, указанное в билете, место (тут уже сидела какая-то женщина с высокой причёской), встал рядом, ухватился обеими руками за поручень. Скрипнула и захлопнулась дверь, и автобус, похожий на небольшой сарайчик с колёсами, двинулся по маршруту «Вологда - Тотьма».

Автобус вырлил на центральную улицу, пустую в это время, проехал мимо Ильича на пьедестале, мимо ресторана «Север», свернул к мосту и переехал реку... Знаком, кажется, не каждый дом, знакома каждая скамейка в сквере, каждое окошко в домах, каждый куст... Всё хожено-перехожено...

Вот и за город выехали. Проплыли слева задумчивые стены и башни Спасо-Прилуцкого монастыря, укрывшие могилы святых и поэта Батюшкова. Промелькнули домики пригородного посёлка, и потянулись поля, перелески, деревни...

Задремал что ли - левая рука сорвалась с поручня и хлопнула по голове, прямо-то по красивой причёске... Женщина возмущенно взглянула на него, он попытался улыбнуться. Оба ничего не сказали.

В Соколе стало свободнее, и он сел где-то в самом конце салона, в правом углу. Смотрел на Сокол, который проезжал десятки раз, в котором и много-много раз бывал в гостях у разных приятелей и знакомых, но всё не мог понять расположение этого города в пространстве: вот дома, потом кусты, какая-то болотина, и кажется, что город уже кончился, но снова дома - деревянные двухэтажные и даже кирпичные пятиэтажки, как в Вологде, и опять какие-то избушки с огородами... Переехали широкую пустынную Сухону...

И он задремал. Встрянул уже в Воробьёве, вспомнил, как ходил отсюда в Петряево, как принимала его мама Саши Романова, и улыбнулся... Автобус тронулся, и он снова задремал.

«Десять минут стоим!» - разбудил голос шофёра, и он увидел, что уже Биряково. Пробрался к выходу, вышел на улицу, закурил... Автостанция здесь в обычной избе. Такие избы в каждой деревне... «Наверное, хозяйева тоже когда-то уехали из этого дома в город... А куда

Фото: Ольга Мартокова - Мужикова

теперь вернуться их сыну, дочери, внуку? Вон, целыми автобусами едем в деревню - хорошо, если есть куда, к кому...» Шофер вышел из дома-автостанции, и все заторопились обратно в автобус.

Проехали мимо добротных двухэтажных домов по мосту, через стремительную речку Стрелицу, бегущую в широкой просторной долине. Высокие холмы-берега в зелёной и желтеющей листве, вдалеке - серебристые домики деревни и развалины церкви...

И снова лес, деревеньки, луговины с недавно смётанными стогами...

Приехали в Фоминское. Вышел у краснокирпичного двухэтажного дома с закругленными окнами (ясно, что когда-то купеческого) и, не задерживаясь, пошагал за село, кворотке на Черепаниху.

Почти сразу же и попутку поймал. Тормознул пыльно-зелёный ГАЗ-51.

- До паромы подкинешь?
- Садись! - ответил, не выпуская изо рта сигарету, парень в брезентовой куртке.

Он сел на продавленное, с выбившимся поролоном, сиденье, захлопнул дверцу.

Водитель сразу рванул. Машина, бодро подпрыгивая, покатила по лесной, изрядно разбитой, дороге. Между сиденьями заткнута сложенная вдвое газета. «Ленинское...» - читается часть названия. «Ленинское знамя» - Тотемская районка. Усмехнулся, взял в руки... Особенно сильно трянуло, и он, подскочив, даже ударился головой.

- Держись! - не выпуская изо рта сигарету, сказал парень, - скосил глаза на него: - Газету не мни.
Развернул и сразу посмотрел последнюю страницу: фотография «самая красивая», где он в шляпе. И подборочка-то - четыре стихотворения и вступительное слово. «Спасибо, Серёжа», - уже не усмехнулся, а улыбнулся.

- Не помни, говорю, - уже сердито сказал шофёр. - Это в библиотеку.
- Если в библиотеку, то я даже и подписать могу...
Дорога тесно сжата ольховником, в низине - опасные лужи, разьеженные колеи. Шофер сосредоточенно крутит руль. И он смотрит вперед и взглядом будто помогает машине, одной рукой держится за сиденье, в другой - газета.

Выехали на твёрдую дорогу, и тут парень внимательно взглянул на него.

- Так это Вы? - спокойно и уважительно сказал. - Тогда, и правда, распишитесь.

- Распишусь... Чего везёшь-то?

- Запчасти. Уборочная, а у нас комбайн встал.

- А... Николай, - назвал своё имя.

- Я понял, - ответил шофёр. - Я тоже Николай.

- Ну, вот и познакомились...
- Да уже и приехали...

Николай высадил его у самой переправы.

- Как раз сейчас пойдёт, - сказал, кивнув на паром.

Он достал из кармана пиджака ручку, подкрутил, так, что капнули чернила, вытер о последнюю страницу записной книжки, попробовал писать на этой же странице и, наконец, расписался в газете, под своими стихами...

- Спасибо!
- Счастливо!

Пожали руки и расстались. Грузовик уехал, разбрызгав мелкую лужицу.

А перед ним снова была Сухона: широкая, серая, в пологих берегах, на том - село Красное, оно же - Усть-Толшма... Обезглавленная церковь, переделанная в зернохранилище, дома (в некоторых из них доводилось бывать и ночевать), заборы, под которыми тоже доводилось коротать ночь...

Он покурил последний раз и пошёл к парому...

Паромщик, кажется, был всё тот же, старый, со странным именем Форка («Фрол, может быть?»), а паром новый, уже не весёлый...

- Ну, здравствуй, Харон. Перевези меня на ту сторону, домой.

Тихо бубнил движок, неспешно плыл от берега к берегу паром.

Рубцов стоял у перил, глядел на воду, на уходящий в прошлое берег...

2

Я не задержался в Красном, сразу пошёл. По дороге, похоже, совсем не ездят. Старые тракторные колеи наполнены водой и подёрнуты зелёной ряской, по краям дороги подорожник, прямо на дороге - беззащитные синие незабудки. В мокрых местах отчётливо видны следы рифлёных подошв - грибки и ягодники ходят...

Вот и охватил осенний лес душу... Я так люблю осенний лес, над ним - сияние небес...

Вот здесь на этом обрыве над Толшмой и присяду, всегда здесь сидел, под соснами... Теперь уж не приму и траву... Вот даль какая открывается: сине-зелёные волны лесов и бесконечное небо. Вот, где просторно душе! А рядом - переспелые ягоды земляники, кусты брусники с глянцевыми твёрдыми листьями и розовыми ещё ягодами. Муравей ползёт. Над водой носятся ласточки и будто втыкаются в берег: там ниже, в обрыве, их норки.

И дальше по старой дороге, мимо деревни Засаека, где умирают два последних дома с провалившимися крышами, да какой-то сарай, в зарастающем лесом поле - пристанище сказок, леших, овишников и домовых...

Деревня Бор, а за ней Маньковский погост и останки церкви.

Тишина над крестами погоста. «Тихо ответили жители - это на том берегу». Нет - на этом, на моём...

Какие простые и ласковые места по этой старой вечной дороге! Вот деревенька Соколово, а вон уже и Воротишна - тоже с церковью...

Мягкая травяная земля. Тяжёлый, похожий на медведя перед спячкой, шмель перелетает дорогу и растворяется в травах. Запах мокрой земли и хвои, тонкий дух увядающих трав...

Деревня Широково, деревня Фатьянка... Юркая Юрманга, владающая в Толшму, весной разольётся так, что и не перейдёшь, а сейчас - мигмом перелетел...

И снова дорога к самой Толшме прижалась. Ещё постою над рекой... Песчаная отмель внизу истыкана птичьими треугольными следками... Да, здесь купались тоже... Помню... Помню...
Помню, как тропкой,
едва заметной,
В густой осоке, где утки кричали,
Мы с острой ходили летом
Ловить налимов
под речными корягами.

Поймать налима не просто было.
Мало одного желанья.
Мы уставали, и нас знобило
От длительного купания,
Но мы храбрились:

- Рыбак не плачет! -
В воде плескались
до головокружения
И наконец на песок горячий
Дружно падали в изнеможении!
И долго после мечтали лежа
О чём-то очень большом
и смелом,
смотрели в небо, и небо тоже
Глазами звёзд
на нас смотрело...

Что ж, дальше, рядом уже... Ну, вот, вот и мостик... С моста ведёт дорога в гору... А на горе храм, а над храмом - купол и крест! И теперь надо только подниматься выше и выше. Выше и выше... И вот уже внизу родная Никола - село Никольское с обновлённым храмом, Толшма, Сухона, Тотьма, Вологда, Архангельск, Алтай, Москва... Вся Русь! И надо только сделать последний рывок и раствориться в ней словом...